

Б.Ф.Мартынов

Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу

В статье делается попытка найти объективную основу для более четкого осмысления понятия «популизм», широко распространенного в современном политическом обиходе. Злоупотребление им, как правило, связано с политическими интересами отдельных партий, личностей или групп, не заинтересованных в раскрытии его сути и характеристик. Автор предлагает свою концепцию этого понятия, считая его априорное применение некорректным, и высказывает мнение о его генезисе и особенностях эволюции применительно к некоторым историческим фигурам и политическим идеологиям. Он предлагает свой вариант трактовки популизма к таким видным персонажам латиноамериканской истории XX — начала XXI в., как Жетулио Варгас, Хуан Доминго Перон, Уго Чавес, Луис Инасиу Лула да Силва, Дилма Руссефф. В статье прослеживаются современные тенденции развития подходов к популизму в условиях новой информационной среды. В этой связи автор, с одной стороны, отмечает распространение в мире новой когорты популистов-антикоррупционеров, а с другой — считает, что требования, предъявляющиеся к политикам на фоне информационной революции — профессионализм и компетентность, будут ограничивать применение былых популистских штампов.

Ключевые слова: популизм, национализм, принцип народовластия, Жетулио Варгас, Хуан Доминго Перон, «левый поворот», Уго Чавес, Лула да Силва, Дилма Руссефф.

DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5

Статья поступила в редакцию 24.10.2019.

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, д. 76, bfmartynoff@gmail.com).

«Популизм — политическое движение (партии), отражающие разочарование имеющимися политическими системами и ставящие цель возвращения политической власти массе народа, например, народники в России в конце XIX в. и Народная партия США того же периода. Популистские движения часто были антигородскими, антииндустриальными, а нередко и антимонопольными. Иногда они были связаны с теориями заговора. В XX в. термин применялся ко многим политическим партиям и либо левым, либо правым тенденциям внутри них, например, к Перонистскому движению в Аргентине, опиравшемуся на городской рабочий класс, или фашистскому, типа национал-социализма, в Германии. Некоторые политические стратегии также могут считаться «популистскими», даже если партия в целом не упоминается как популистская (в частности, современная партия консерваторов в Англии при тэтчеризме).

*Большой толковый социологический словарь
«Коллинз» в 2-х т. М.: Вече, 1999.*

«Популизм (от лат. populus — народ) — политика, апеллирующая к широким массам и обещающая им скорое и легкое решение острых социальных проблем. В основе популизма лежит стремление той или иной политической силы завоевать доверие и поддержку масс, понравиться народу. При этом реальные цели политиков-популистов (борьба за власть, обогащение и т.п.), как правило, прикрываются социально привлекательными идеями. Популисты строят свою риторику на акцентировании экономических и социальных интересов обычных людей. Многие исследователи популизма, начиная с 1980-х, рассматривали его как стиль риторики, который может служить не одной, а множеству идеологий. В зависимости от поддерживаемой идеологии, различают «левый» и «правый» популизм.

Wikipedia

Еще на первом курсе международно-правового факультета МГИМО я услышал про «любимый тост юриста»: «Выпьем за точность формулировок!». Привыкнув искать ее повсюду, я часто задумывался: не пытаюсь ли я объять необъятное? Вот и сейчас меня не покидает легкое ощущение *дежавю*.

Исходя из приведенных выше (и сонма других!) определений можно сделать вывод о том, что популизм — весьма эластичное понятие, применимое практически к любым политическим идеологиям, партиям, течениям (национал-социализм, перонизм, тэтчеризм, левые, правые и т.п.) или лидерам. В начале прошлого века к популистам относились европейские социал-демократы, позже — Муссолини и Гитлер. В Латинской Америке популистами прослыли президенты Аргентины Хуан Доминго Перон (1946—1955, 1973—1974) и Бразилии Жетулиу Варгас (1930—1945, 1951—1954), а затем Венесуэлы Уго Чавес (1999—2013) и другие руководители государств «левого поворота». У нас это определение распространялось на М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина. Сегодня в популистах «ходят» Дональд Трамп (2017 — н/в) в США и Жаир Болсонару (2019 — н/в) в Бразилии, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан (2010 — н/в) и вся когорта «евроскептиков». Кто станет популистом завтра? Каковы критерии этого понятия? Негативные коннотации, присутствующие в нем, очень удобны для навешивания ярлыков и шельмования политических конкурентов, благо за «популиста» не судят, а за «террориста» можно и срок получить!

Кстати, о терроризме. Разница между террористом и популистом не столь уж велика, как может показаться на первый взгляд. Разумеется, в методологическом плане. Нечеткость дефиниций позволяет с невероятной легкостью навесить на любого неугодного ярлык как популиста, так и тер-

рориста*. Степень риска при этом будет определяться лишь остротой политического дискурса. Главное, что отсутствие той самой точности формулировок позволяет быстро «переобуться на лету»: из популистов делать прагматиков, а из террористов — борцов за свободу.

Аргентинский ученый Хуан Речче был, наверное, недалек от истины, когда утверждал, что цивилизации Запада удалось придать универсальный характер таким «живым метафорам», как политика, демократия, свобода, права человека и др. Эти метафоры, подверженные «насильственной онтологизации», «монополизируют восприятие реальности» — в силу того, что мы не способны исключить их из своего языка [1, с. 299]. Метафоры, по мнению аргентинца, являются важным дискурсивным компонентом любой идеологии, которая обслуживает государственные интересы [1, с. 205]. Популизм — характернейший образец «живой метафоры».

Чтобы попытаться хоть деонтологизировать эту метафору, попробуем подобраться к ней «с тыла». Корневая основа — «народ» (*populus*) формально дает право считать популистом всякого, кто апеллирует к массам, всех, кто так или иначе участвует в демократических процедурах, поскольку демократия — это власть все того же народа. Но так, понятно, было далеко не всегда, ибо апеллировать к народу (народам) и рассуждать о народном суверенитете научились только в эпоху американской и французской революций. А до того, как народы — неожиданно для них самих — стали носителями какого-то там «суверенитета», всю дань общественного почитания замыкали на себя Бог и монаршие особы, представлявшие его в земной юдоли. Поэтому ни о каком популизме до конца XVIII в. просто не могло быть и речи (эпоху греческих городов-государств и республиканского Рима за давностью лет в расчет принимать не будем). Но что же такое «народ», которому с некоторых пор стала приписываться вся полнота власти в пределах западоцентричного мира?

Американский исследователь природы национализма Бернард Як считает принцип народовластия «довольно странной идеей» [2, с. 172]. Его соотечественник, историк Эдмунд Морган, тоже готов в нем усомниться: «Все-таки власть короля, сколь бы сомнительной ни казалась его божественность, не нужно было воображать. Он был реально существующей личностью: с короной на голове и скипетром в руке. С другой стороны, народ как таковой никогда нельзя увидеть» [3, с. 153].

Пытаться определять одну неопределенность через другую на основе сочетания рационального и иррационального подходов — прием, весьма распространенный в социальных науках. Но благо бы дело ограничивалось академизмом. Все обстоит гораздо драматичнее, стоит только коснуться практики.

* Международное сообщество безуспешно пытается найти определение понятию «терроризм» с 1934 г. Ни в Лиге Наций, ни в ООН этого сделать не удалось и, наверное, не удастся. Пример с разработкой Межамериканской (Бриджтаунской) антитеррористической конвенции 2002 г., откуда по настоянию США была исключена попытка дать такое определение, весьма красноречив.

Автору данной статьи неоднократно доводилось отмечать противоречие между двумя основополагающими принципами международного права — территориальной целостностью и суверенитетом, с одной стороны, и самоопределением наций и народов — с другой*. В «лихие» 90-е оно обернулось жестокими столкновениями в бывшей Югославии и на постсоветском пространстве: в Нагорном Карабахе и Южной Осетии, в Приднестровье и Абхазии. Сегодня этим противоречием пронизан весь комплекс наших непростых отношений с Украиной. В Западном полушарии оно отмечено многолетним спором между Аргентиной и Великобританией по поводу принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов, который в 1982 г. вылился в кровопролитный вооруженный конфликт. И неизвестно, сколько еще прольется крови в мире из-за того, что международное право «чудесным» образом оказалось заблокировано и, по всей видимости, надолго. Известное со времен Древнего Рима выражение *Inter arma legis silent*** можно было бы переиначить так: «когда молчит закон — говорят пушки».

Право не терпит отсутствия точных определений, которыми — увы — живет и дышит политика. Современный либеральный политический дискурс сознательно избегает ответа на провокационные вопросы, типа: что такое *народ* и чем он отличается от *толпы*? Какой народ достоин права на самоопределение, а какой — нет? Почему понятие «нация» имеет право на существование, а быть националистом неприлично? И, наконец, почему равенство и разнообразие, о которых нам трубят на всех углах, как правило, не ведут к *равенству в разнообразии* на практике? Как так получилось, что, несмотря на все беды и злосчастия, которые постигли людей в XX в., факты у нас все еще пасуют перед теориями? Сегодня попытки поставить эти и многие другие подобные вопросы в медийном пространстве автоматически навлекают на вопрошающего обвинения в национализме, расизме, сексизме, гомофобии и даже ... в популизме. Похоже, что лучшим средством своей защиты метафоры считают нападение путем ... размножения!

Единственной пока что отдушиной для пытливого ума остается узкое пространство высокой науки, где с метафорами иногда удается успешно играть на их же поле. Б.Як настаивает на разграничении понятий «народ» и «нация». «Народ, — пишет он, — всегда один и тот же: целокупное тело обитателей территории, воображаемое как окончательный судья в вопросе о том, как следует конституировать власть государства». «Народ, к которому апеллирует шведское государство, не отличается от народа, к которому апеллирует китайское или канадское государство». Нации же, пишет Як, «нужны усилия и время для формирования наследия воспоминаний и символов, которое было бы *достаточно представительным* (курсив автора. — Б.М.), чтобы связывать разные поколения. Нельзя быть уверенным в существовании нации, пока ей не дано достаточно времени, чтобы вырасти либо рухнуть. Народу же возвращение не нужно: он сразу

* Первая статья на эту тему была опубликована еще в 1993 г. (Мартынов Б. Самоопределение — необходим ответственный подход. *Международная жизнь*, № 7, 1993, сс. 67-74.) С тех пор ситуация только усугубилась.

** «Во время войны законы молчат» (лат.).

налицо, стоит только отдельным индивидам принять принципы легитимности, утверждающие его существование, а это значит, что апелляция к народу внушает гордость и тщеславие, которые не внушают нация» [2, сс. 183—185].

Попросту говоря, нация — это понятие качественное, а народ — количественное. Нельзя не согласиться, что употребление понятия «популизм» впредь не должно носить априорный характер, как это происходит в подавляющем большинстве случаев. Популистом политика можно называть только *апостериори*, т.е. по прошествии времени, достаточного для определения того, в какой мере его деятельность способствовала или, наоборот, не способствовала процессу становления возглавляемого им народа как нации.

Все становится еще очевиднее, если вспомнить, что в английском языке понятия «нация» и «государство» обозначаются одним словом — *nation*. Государство и народ (нация) предстают едиными в своем становлении и исторической эволюции от простого к сложному, т.е. от количества к качеству. Прерывание этого процесса популистами, которые руководствуются личными амбициями, комплексами и фобиями, чувствами мести и зависти, нарциссизмом и превратными представлениями о мире, грозит бедами и несчастьями одновременно и государству, и населяющему его народу (народам). Гитлера, который апеллировал к народу Германии, «внушая гордость и тщеславие», как ни странно, нельзя считать националистом, а вот популистом (при всех прочих «достоинствах» этого персонажа) — несомненно.

Для того чтобы стать успешной, демократия, как власть народа, нуждается в сильном государстве. С этим согласен даже такой трубадур «конца истории», как американский политолог Фрэнсис Фукуяма*. Демократии не «даруются» свыше и не навязываются со стороны, а вызревают самостоятельно на пути превращения народа в нацию, по мере становления и укрепления государственных структур.

Теперь перейдем к рассмотрению латиноамериканских реалий. Специфический латиноамериканский популизм теснейшим образом связан с возникновением изоморфичного латиноамериканского республиканизма, который вскармливался идеями американской и французской революций и не соответствовал эндемике региона. Декларированный на бумаге суверенитет народов, которые не сформировались в качестве наций, не способствовал, а, скорее, препятствовал процессам их национального развития. Возможно, эти процессы могли бы ускориться в случае создания в Южной Америке единого федеративного государства — по примеру того, как это произошло на севере. Но если реальная угроза реванша со стороны Англии делала неизбежным формирование единого североамериканского государства и единой нации, то отсутствие угроз со стороны Испании разобщило латиноамериканцев и затрудняло формирование их «общего наследия вос-

* См. Фукуяма Ф. Сильное государство. М.: АСТ, 2010. США на этом фоне выглядят исключением. В силу особенностей географии и истории общество там возникло раньше, чем государство (Kissinger H. The Diplomacy. New York, Simon and Shuster, 1993, p. 44). Тогда тем более неправомерно выдавать исключение за правило.

поминаний и символов». «Исторический опыт и социологические исследования показывают, что отсутствие внешнего врага пагубно сказывается на единстве общества и зачастую ведет к брожению в обществе», — считал американский политолог Сэмюэл Хантингтон [4, с. 44].

В этих условиях формальные латиноамериканские демократии, не заточенные на поиск социального консенсуса, *de facto* выродились в частный бизнес государствообразующих элит. Их лидеры, в совершенстве овладевшие популистской идеологией, в любой момент были готовы ликвидировать дарованные ими народу конституционные права и свободы, каждый раз оправдывая это интересами все того же народа. «Хотя корни латиноамериканских демократий уходят далеко в начало 1800-х годов, ни одна из них не может похвастаться непрерывной историей демократического развития», — пишет Ф.Фукуяма и тут же парадоксальнейшим образом отмечает, что и из диктаторских режимов Латинской Америки ни один не смог подняться до уровня подлинного тоталитаризма, поскольку латиноамериканские диктатуры не смогли генерировать достаточной силы, чтобы совершить социальные революции, сравнимые по размаху и мощи с русской или китайской. Американский политолог считает, что «это относится и к таким режимам электорального авторитаризма, как правительство Уго Чавеса, которые оказались неспособны преодолеть коррупцию и преступность в своих странах» [5, сс. 357—359].

Можно соглашаться или не соглашаться с Фукуямой, который привык ставить соображения нормативного характера над презренной прозой жизни. Но нельзя не признать, что латиноамериканские народы в подавляющем большинстве представляют из себя нации в процессе становления. И здесь мы, кажется, довольно близко подходим к пониманию специфики латиноамериканского популизма. По мнению все того же Фукуямы, отсутствие или потеря адекватной оценки народом самого себя (то есть его самооценки как нации) ведет к появлению среди политиков нарциссов, борьба которых за социальную справедливость основана на голых эмоциях и «сводится к насыщению своих же собственных психологических комплексов» [6, сс. 122—123]. И хотя он в данном случае говорит о современных США и о Д.Трампе, читателя не покидает мысль о латиноамериканских истоках этого предположения.

Теперь перейдем на личности, тем более что и роль личности, и значение иррационального фактора в целом в современной политике неуклонно возрастают. Крупнейшими политическими фигурами Латинской Америки второй половины XX — начала XXI в. принято считать Ж.Варгаса, Х.Д.Перона, У.Чавеса, а также экс-президента Бразилии Луиса Инасиу Лулу да Силву (2003—2011). Часто их характеризуют как популистов, хотя критерием вряд ли может служить чрезмерное употребление ими слова «народ». Можем ли мы с нашей новейшей, апостериорной точки зрения продолжать считать их таковыми?

Но нас могут спросить: «А как же Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара и другие последователи марксистской идеологии, которые оставили глубокий след в истории Латинской Америки?». Считать популистами последо-

вателей коммунистической идеологии, которая апеллирует не к народу, а к классу и партии, было бы неверно. В этом смысле «бритву Оккама»* следует признать важным, если не единственным на сегодняшний день, оружием в борьбе с живыми метафорами. Национализм — принципиальный антипод коммунистического интернационализма, который исповедуется марксистами. И хотя марксисты отнюдь не чурались часто обращаться к народу или к народам (делая это обычно «через голову» правительств, то есть государств, как, например, в ленинском Декрете о Мире), этот случай явно не вписывается в контекст. Встречающееся иногда сравнение большевиков с нацистами представляется некорректным, несмотря на то, что немалая доля нарциссизма была присуща как тем, так и другим.

Президента Бразилии Жетулио Варгаса — при том, что он, как, впрочем, и большинство других политиков, активно пытался понравиться народу, — популистом назвать *нельзя*. Критикуя Варгаса за диктатуру «Нового государства» и репрессии, не следует вырывать его деятельность из временного контекста начала 1930-х — конца 1940-х годов. В тот сложный исторический период Варгасу удалось искусно провести страну между Сциллой коммунизма и Харибдой наци-фашизма, подавив один за другим мятежи, которые были организованы Коминтерном в ноябре 1935 г. и партией Бразильское интегралистское действие (Ação Integralista Brasileira, AIB) в мае 1938 г. *Он сумел сохранить Бразилию для будущих поколений бразильской*, не дав ей стать бледной копией СССР или превратиться в кальку с нацистской Германии.

Варгас ускорил становление бразильского народа как нации, открыв этому процессу дополнительные возможности. Как автор диктатуры «Нового государства», он, как ни парадоксально, обеспечил преемственность последующего демократического развития страны, гарантировав приоритет национальной буржуазии над интересами земельной олигархии и ликвидировав чрезмерную автономию штатов, которая грозила развалом государства. Послав в 1944 г. бразильский экспедиционный корпус на итальянский фронт, он навсегда вписал Бразилию в историю Второй мировой войны и закрепил ее независимый внешнеполитический курс. В 1952 г. Варгас своевременно вернул Бразилию на рельсы демократического развития, но не отправил бразильцев воевать в Корею, чем вызвал недовольство США.

Жетулио Варгас заложил основы бразильской сталелитейной и энергетической промышленности, стал первым, кто заговорил о необходимости освоения ресурсов Амазонии и нефтеразведки на атлантическом шельфе, инициировал исследования в области атомной энергии и развитие этаноловой индустрии. Он прилагал большие усилия для создания в Бразилии современных вооруженных сил, в частности авиации, справедливо полагая, что одним «миролюбием» нельзя гарантировать территориальную целостность огромного государства.

* Методологический принцип, который гласит: «Не умножайте сущностей сверх необходимости».

Сам факт доведения его до самоубийства 24 августа 1954 г. говорил о многом. Вашингтон худо-бедно еще мог терпеть у руля крупнейшей латиноамериканской страны привычного ему популиста-демагога с диктаторскими замашками, но никак не модернизатора. Появление в Западном полушарии новой «великой державы» (а именно к такому статусу Бразилии стремился Варгас) не укладывалось в планы США. Самоубийство Варгаса не было, как считают некоторые его биографы, «актом отчаяния» или демонстрацией экстремального политического нарциссизма*. Как опытный политик он понимал, что сохранить свой позитивный образ в народе и обеспечить дальнейшее поступательное развитие страны в условиях обострения холодной войны он сможет только таким, нетривиальным путем. В лице Варгаса политика, как искусство — в который раз — столкнулась с политикой как циничным промыслом и, как водится в таких случаях, в краткосрочном плане проиграла, но в долгосрочном — выиграла. Трудно представить, чем была бы современная Бразилия без Жетулио Дорнеллес Варгаса.

Апостериорный подход позволяет квалифицировать деятельность Хуана Доминго Перона, социальная безответственность которого низвергла Аргентину из первого мира в третий и на долгие годы посеяла недоверие между аргентинцами, как однозначно популистскую. Основываясь на показателях экономических, демографических, имиджевых и других потерь этой страны и ее народа в XX в., можно было бы бесконечно долго доказывать пагубность его правления. Перонизм как политическое течение охлократической направленности с неопределенными целями и культом вождя на годы вперед затормозил процесс становления аргентинского народа как нации. Перон породил анархию, которая в итоге привела страну к кровавому военному режиму, позорному поражению на Мальвинах, дефолту 2001 г. и бесконечным шараханьям то влево, то вправо в ее внешней и внутренней политике. Из-за его попыток заимствовать элементы политических институтов нацистской Германии и Италии времен Муссолини, а затем, в послевоенное время, изобрести некий третий, особый путь развития Аргентины, большинство аргентинцев долгое время не осознавали себя частью общей латиноамериканской ойкумены. В результате некогда самая успешная и передовая страна региона уступила лидерство Бразилии и Мексике, а по некоторым экономическим показателям — даже Колумбии.

Подражательство в стремлении найти самый легкий путь развития и *прожектерство* — свойство самовлюбленных нарциссов — следует, пожалуй, считать двумя главными признаками политической безответственности и популизма.

Правительства «левого поворота» заслуживают отдельного разговора. Определение «популистские» было приклеено к ним стараниями оппонентов из либерального лагеря, которые привыкли принимать в штыки все, что не соответствует их универсалистским идеологиям. Но все ли из этих правительств были и являются реально популистскими? Разумеется, нет. Происходивший на фоне цивилизационного подъема в Латинской Америке

* Об этом можно судить, прочитав 3-й том подробного жизнеописания Жетулио Варгаса, автором которого является бразильский историк и журналист Лира Нето. См.: Neto L. Getúlio. 1945—1954. Da volta pela consagração popular ao suicídio. São Paulo, Companhia das Letras, 2014, 429 p.

левый поворот отождествляется с поиском утерянной латиноамериканской идентичности. Особенно остро это ощущалось в призывах Уго Чавеса вернуться «назад, к Боливару» в его стремлении творчески переосмыслить и применить на практике идейное наследие Освободителя, в конституировании им новых органов власти за рамками традиционной буржуазной триады и, наконец, даже в таких, казалось бы, «мелочах», как изменение названия страны и рисунка на ее гербе.

Эта задача оказалась, по-видимому, непосильной для венесуэльского лидера. Он не смог противостоять соблазну подражательства, — но только теперь уже не США, а Кубе, — когда выступил с идеей строительства в Венесуэле «социализма XXI века»*. Апостериорный анализ президентства Чавеса, который, со всеми необходимыми оговорками о вмешательстве и санкциях со стороны США, оставил после себя «невероятно разрушенную для мирного времени страну» [7, с.180], помогает понять многое. Прежде всего то, что никакие благородные намерения и избыточная риторика не могут заменить собой профессионализм в управлении страной и здравый прагматизм в политике. Следует признать, что деятельность Чавеса косвенным образом способствовала закату левого поворота в Латинской Америке, приходу к власти правых правительств в Аргентине, Бразилии, Чили и Эквадоре, кризису таких многосторонних структур, как Общий рынок стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur), Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC).

Казус же, произошедший в Бразилии с Партией трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) и ее лидерами, можно считать парадигматическим для сегодняшних дней. Несмотря на то, что Луиса Инасиу Лулу да Силву голословно, основываясь на его ранних предвыборных лозунгах, обвиняли в популизме, по-настоящему популистом он так и не стал. Действительно, можно ли считать таковым лидера, который вывел из состояния нищеты по разным подсчетам до 30 млн своих сограждан? Реальные, а не мнимые заслуги Лулу в деле становления бразильской нации с собственным самосознанием, региональной и даже глобальной проекцией неоспоримы. Но как быть с обвинениями в коррупции, за которую он получил длительный тюремный срок, с импичментом его преемницы Дилмы Руссефф, которая была отстранена от должности за «превышение полномочий»? «Я не сделала ничего такого, чего не делал до меня любой президент Бразилии», — эти слова Руссефф заслуживают внимания. Можно представить, какую кару понес бы борец и реформатор Жетулио Варгас, не раз нарушавший любые догмы, если они препятствовали развитию его страны, окажись он на ее месте!

В наши дни в условиях почти полной информационной открытости и проницаемости мира на свет появилась когорта профессиональных *попули-*

* Возможно, толчком, который побудил Чавеса встать на проторенную Кубой дорогу, стала неудавшаяся попытка государственного переворота в Венесуэле в 2002 г., за которым просматривались США.

стов-антикоррупционеров, готовых на все ради получения политических выгод или финансовых дивидендов. Их пагубное влияние стало отражаться на качестве политического руководства в мире в целом. Взятый ими на вооружение принцип «*fiat justitia, pereat mundis!*»* приводит к появлению государственных деятелей, начисто лишенных лидерских качеств и действующих (вернее, бездействующих) по принципу «как бы чего не вышло», либо надеющихся с помощью многократного усиления социальной демагогии и публичной активности преодолеть все существующие юридические препоны и даже выйти за пределы здравого смысла**.

Информационная открытость по-новому ставит проблему политического лидерства. Эпоха классических популистов подходит к концу, хотя сам этот термин, скорее всего, бессмертен. Смены правительств в ведущих государствах региона, независимо от их правой или левой ориентации, свидетельствовали об усталости народов от избыточной риторики лидеров, неспособных справиться с экономическими и социальными проблемами, успешно бороться с наркотрафиком, коррупцией и преступностью. Сегодня все более востребованными становятся профессионализм и ответственность, на фоне которых бледнеют классические популистские штампы. С ускорением реального времени, повышением информированности и образовательного уровня людей ускоряются и процессы трансформации народов, ранее безропотно внимавших популистским лозунгам и обещаниям, в нации (например, явление «индейского ренессанса»). Какие лозунги будут взяты на вооружение популистами новой формации? Насколько полно они смогут воспользоваться новыми средствами массовой коммуникации? Ответы на эти и другие вопросы — тема для отдельного размышления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Recce J. Poder Plástico. El hombre simbólico-materialista y la política internacional. Buenos Aires, IPN Editores, 2010, 361 p.
2. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Ин-т Гайдара, 2017, с. 172. [Yak B. Natsionalism i moralnaya psijologija soobshstva [Nationalism and Moral Psychology of the Society] Moscow, Institut Gaydara, 2017, 317 c.
3. Morgan E. *Inventing the People*. NY, Norton, 1988, 245 p.
4. Хантингтон С. Кто мы? М.: АСТ, 2004, с. 44. [Huntington S. *Kto my?* [Who we are?] Moscow, AST, 2004, 635 c.
5. Fucuyama F. *The Origins of Political Order*. London, Profile Books, 2011, 585 p.
6. Fucuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York, 2018, 230 p.
7. Coutinho F. Hugo Chávez. O Colapso da Venezuela. Porto, Ideias de ler, 2018, 262 p.

* «Пусть восторжествует справедливость, даже если погибнет весь мир!» (лат.).

** «Вы — соль Земли! Вы — наше сегодняшнее правительство!», — такое обращение к согнанным на митинг 27 июля 2019 г. несистемной оппозиции в Москве подросткам 15-17 лет — школьникам, учащимся техникумов и т.д. — говорит о многом.

Boris F. Martynov (bfmartynoff@gmail.com)

Dr. in Political Science, titular professor, Chief of the Cathedra of International Relations and Foreign Policy of Russia of the MGIMO University

76, pr. Vernadskogo, 119454 Moscow, Russian Federation

Latin American Populism: some relevant thoughts

Abstract. The article deals with the author's intentions to find an objective base for a more precise definition of "populism", a notion which has become highly popular in modern political discourse. The incorrect usage of this notion is connected with political interests of different parties, persons or groups of people, usually not interested in finding its essence and proper characteristics. The author suggests his own conception of its use, thinking that applying it in an *apriori* way should not further on be permitted. He speaks about the genesis of this notion and details of its evolution with respect to some historic figures and ideologies and tries to "test" his renovated version of populism on some prominent figures of Latin American history of the XX—XXI centuries, such as Getulio Vargas, Juan Domingo Perón, Luiz Inácio Lula da Silva, Hugo Chávez and Dilma Rousseff. In this article the author tries to follow some modern tendencies in the development of this notion in the context of the scientific progress of to-day. On the one hand he marks the dissemination of the new generation of "anti-corruption" type of populists, on the other he thinks that the revolution in information puts forward new demands, such as professionalism and competence, which may limit the copious usage of "traditional" populist phraseology.

Key words: populism, nationalism, peoples sovereignty, Getulio Vargas, Juan Domingo Peron, left turn, Hugo Chávez, Lula da Silva, Dilma Rousseff.

DOI: 10.31857/S0044748X0008142-5

Received 24.10.2019.